

Екатерина Евгеньевна Дмитриева

*Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
Москва, Россия
katiadmitrieva@mail.ru*

**СЕНАР С. РАХМАНИНОВА И ГРАСС И. БУНИНА:
РУССКАЯ УСАДЕБНАЯ ЖИЗНЬ, ПРОДОЛЖЕННАЯ В ЭМИГРАЦИИ**

Аннотация: Если ранее бытовало представление, что жизнь русской усадьбы была весьма коротка, замыкаясь между 1762 г. («Указом о вольности дворянской») и 1917 г., уничтожившим помещичью Россию, то ныне исследователи все настойчивее задаются вопросом о том, какую роль играла усадебная жизнь в русской культуре уже после 1917 г. Форм этой последующей жизни было множество: превращение усадеб в музеи усадебного быта, в музеи, освященные именами знаменитых владельцев и пр. Можно вспомнить и о той новой волне пассивизма, которая охватила писателей уже в советские времена, когда усадебный мир и усадебное прошлое стало важной составляющей культурной и исторической памяти, «обителью души». Но была у этого фабулирования и вполне реальная основа – попытка реконструировать усадебное прошлое уже вне России, за рубежом. Статья, написанная в жанре case-study, посвящена сравнительному описанию усадебных экспериментов, актерами которых стали два крупнейших оказавшихся в эмиграции русских художника. Первый случай – это история И. А. Бунина, в эмиграции поселяющегося на юге Франции и пытающегося – при, казалось бы, явно не благоприятствующих тому условиях – создать некое подобие русской усадебной жизни на чужбине. И второй случай – гораздо более благополучного, по крайней мере в материальном смысле, С. В. Рахманинова, строящего усадьбу на берегу Фирвальдштетского (Люцернского) озера, дабы утешить жену, тоскующую по Тамбовской родовой усадьбе. Основной вопрос, который поднимается в статье: какую роль подобное воскрешение кусочка России

Данная статья представляет собой переработанные и дополненные главы монографии Е. Е. Дмитриевой «Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков (1880–1930-е годы)» (М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2020. 768 с.): «Грасс Бунина: воскрешение русской усадебной жизни в нерусском пространстве» и «Между тамбовской Ивановкой и американскими виллами на Гудзоне: швейцарское имение Сенар С. В. Рахманинова» (с. 143–171, 172–200).

за границей сыграло не только в эмигрантском бытии Рахманинова и Бунина, но насколько и как оно смогло сублимироваться в их творчестве.

Ключевые слова: *И. А. Бунин, С. В. Рахманинов, Грасс, Сенар, эмиграция, усадебная жизнь.*

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН на средства гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>.

30 августа 1930 г. неподалеку от виллы «Бельведер», где в те времена проживало семейство Буниных, появился «чей-то великолепный темно-синий автомобиль». А когда возвращавшиеся с купания хозяева вошли в калитку дачи, навстречу им «с кресла под пальмой поднялась высокая мужская фигура, а за ней что-то голубое». Это был С. Рахманинов с дочерью Таней, приехавшие на несколько дней в Канны.

В той записи в дневнике, сделанной Галиной Кузнецовой, где описывается встреча Бунина и Рахманинова на вилле «Бельведер», отчетливо проглядывает разность той жизненной ситуации, в которой пребывали эти два знаменитых русских эмигранта, покинувшие Россию после 1917 г. «У Тани оказался с собой американский аппарат, маленький синема, который она наводила поочередно на всех нас. Одеты оба были с той дорогой очевидностью богатства, которая доступна очень немногим. <...> Тотчас же были “мобилизованы” все съестные припасы в доме. Камий послали вниз за ветчиной и яйцами, я побежала за десертом, и через полчаса мы все уже сидели за столом. <...> Они уехали часов в десять, предположительно решив встретиться с нами на другой день в Каннах. Во время обеда я часто смотрела на него и на И. А. и сравнивала их обоих – известно ведь, что они очень похожи, – сравнивала также и их судьбу. Да, похожи, но И. А. весь суше, изящнее, легче, меньше, и кожа у него тоньше, и черты лица правильнее» [Кузнецова, 2009, с. 181].

Они, действительно, были внешне очень похожи, об этом и сегодня можно судить по их портретам. Но было и духовное родство. На самом деле, с Рахманиновым Бунин «кратко» подружился еще в молодости. Об их неожиданно обнаруженном избирательном сродстве он впоследствии написал: «При моей первой встрече с ним в Ялте произошло между нами нечто подобное тому, что бывало только в романтические годы молодости Герцена, Тургенева, когда люди могли проводить целые ночи в разговорах о прекрасном, вечном, о высоком искусстве. / Впоследствии, до его последнего отъезда в Америку, встречались мы с ним от времени до времени очень дружески, но все же не так, как в ту встречу, когда, проговорив чуть не всю ночь на

берегу моря, он обнял меня и сказал: “Будем друзьями навсегда!” / Уж очень различны были наши жизненные пути, судьба все разъединяла нас, встречи наши были всегда случайны, чаще всего недолги, и была, мне кажется, вообще большая сдержанность в характере моего высокого друга» [Бунин, 1967, с. 377–378].

Среди того, что роднило Рахманинова с Буниным, был опыт усадебного – российского – детства, проживания в родительских усадьбах, которые вскоре будут утрачены по вине живших «не по чину» отцов, а также жизнь в чужих усадьбах, которые затем начинают ощущаться как свои (у Бунина такой усадьбой стало Глоново, у Рахманинова – тамбовская Ивановка). Впоследствии, осмысляя собственную свою судьбу и исконное – не-стяжательное – отношение русского человека к земле, Рахманинов писал: «В каждом русском есть тяга к земле, больше чем у какой-либо другой нации. У других, например у американцев, я ее совсем не замечаю. Мне кажется, здесь она отсутствует. / Когда я говорю про тягу к земле – не думайте, что в этом чувстве я подразумеваю любовь к стяжанию, то есть чувстве, лучше всего выраженном в знаменитом рассказе Л. Толстого о лошади Холстомере, который рассказывает, что у людей есть потребность как можно больше вещей назвать “моими”. Нет, в мыслях русских людей о земле есть какое-то стремление к покою, к тишине, к любованию природой, среди которой он живет, и отчасти стремление к замкнутости, к одиночеству. Мне кажется, в каждом русском человеке есть что-то от отшельника». <...> До 16 лет я жил в имениях, принадлежавших моей матери, но к 16 годам мои родители растеряли свое состояние, имения пропали, были распроданы и я уезжал на лето в имение моего родственника Сатина¹. С этого возраста вплоть до мо-

¹ Под имениями, в которых Рахманинов жил до 16 лет, он имел в виду Онег под Великим Новгородом, где вскоре после свадьбы поселились родители Рахманинова. А также усадьбу Семеново, находившуюся в 60 километрах от Старой Руссы, в которой, по одной из версий, и родился композитор (об имени Семеновское был снят документальный фильм Н. Басмановой «Вернись на родину, душа», в основу которого легли три романа С. В. Рахманинова и стихи И. А. Бунина). Последующий усадебный опыт Рахманинова был связан уже с имением бабушки, С. А. Бутаковой, которая, согласно семейной легенде, купила его по просьбе внука: это было имение Борисово под Великим Новгородом, где Рахманинов провел не одно лето, в том числе и в те годы, когда уже учился в консерватории. Затем была еще подмосковная дача Н. С. Зверева (1833–1893), известного мецената, профессора московской консерватории, который своих воспитанников (а в их числе был и Рахманинов) каждое лето возил в Крым или на дачу под Москвой [Крутов, 2019]. А также подмосковное имение певицы Т. С. Любатович (1859–1952), которая приглашала на свою дачу Рахманинова вместе с другими членами Частной русской

мента, когда я покинул Россию (навсегда?), целых 28 лет я и жил там. С 1910 года это имение перешло в мои руки. Находилось оно около 300 миль к ю[го]-в[остоку] от Москвы, или ночь пути по железной дороге и называлось оно Ивановкой. Туда я всегда стремился или на отдых и полный покой, или, наоборот, на усидчивую работу... <...> Я сказал, что туда, в Ивановку, я всегда стремился. Положа руку на сердце, должен сказать, что и доныне туда стремлюсь» [Рахманинов, 1978, т. 1, с. 51–52].

Последний раз в Ивановку Рахманинов приехал весной 1917 г. «на посев». Все дела по хозяйству он в это лето поручает управляющему². «Вскоре, – вспоминала С. Сатина, – вместе с семьей он уехал на все лето в Крым. Осенью перед возвращением из Крыма в Москву он дал в Ялте концерт <...> Это было 5 сентября 1917 года, и это был последний его концерт на родине вообще» [Там же, с. 47].

Вспоминается финал рассказа И. А. Бунина «Таня»: «Это было в феврале страшного семнадцатого года. Он был тогда в деревне в последний раз в жизни» [Бунин, 1987–1988, т. 5, с. 342].

Бунин после продажи в 1889 г. родительского имения Озерки в дальнейшем оседлого жилья не имел, бóльшую часть времени проводя в гостиницах, путешествиях, имениях родственников, особенно навещая в Глотово, к двоюродной сестре С. Н. Пушешниковой. С 1909 и по 1913 г. зимы они с женой проводили на Капри – пребывания, которые, возможно, стали для Бунина первым опытом «усадебной» жизни на вилле вне России [Нинов, 1973]. За чтением газет в

оперы С. Мамонтова. Наконец, имение бабушки Варвары Васильевны Рахманиновой Знаменское, пребывание в котором (купание в реке) чуть не будет стоить Рахманинову жизни. Лето 1893 г. Рахманинов проведет в еще одной усадьбе – имении купца Лысикова в Харьковской губернии. Пребывание это, необычайно для него плодотворное, завершится созданием духовного концерта «В молитвах неусыпающую богородицу», шести романсов (ор. 8) и симфонической фантазии «Утес» (ор. 7) [Сатина, 1998, с. 26]. Но главным усадебным опытом стало имение сестры его отца Варвары Аркадьевны Сатиной, которая после разрыва, произошедшего у Рахманинова со Зверевым, приютила его сначала в своей московской квартире на Пречистенке, сделав по сути членом своей семьи, а затем пригласила его на лето (1890) в имение Ивановка Тамбовской губернии. Дочь Варвары Аркадьевны, Наталья Александровна Сатина (двоюродная сестра Рахманинова, выпускница Московской консерватории по классу фортепиано) станет в 1902 г. его женой, другая же его кузина Софья Сатина – его первым и, по-видимому, самым достоверным биографом, на воспоминания которой мы в дальнейшем в основном и опираемся.

² Об Ивановке и ее судьбе в советские и постсоветские годы см., в частности, [Харламова, 2017].

чужом, но все же очень родном Глодове Бунин в 1917 г. провел последние свои лето и осень в России.

ЭМИГРАЦИЯ

Жизненные пути оказавшихся в эмиграции Рахманинова и Бунина, действительно, были различны. Хотя правильнее было бы сказать – не жизненные пути, но те обстоятельства, которые эти пути определяли. Концертная деятельность Рахманинова, которой с 1918 г. он отдавал все больше сил и времени, приносила ему существенный доход, позволявший не только безбедно жить его семейству, но и ему самому заниматься в эмиграции прозелитизмом, жертвуя немалые деньги «на нужды русских людей». Она же позволяла (и заставляла) также снимать недешевые виллы как в Америке, так и в европейских странах, где он концертировал.

Бунину его литературные труды приносили не слишком много, вынуждая даже не столько его, сколько его жену Веру Николаевну Муромцеву, жить экономно, за исключением того краткого эпизода, когда в 1933 г. Бунин получил Нобелевскую премию, которая, впрочем, оказалась довольно быстро растратчена.

Но общей была потребность в обретении, путь и на чужой земле, собственного дома, усадьбы, которая могла бы хотя отчасти компенсировать тоску по родине. Такой усадьбой стала для Рахманинова швейцарская усадьба на берегу Фирвальдштетского озера, которую он купил в 1931 г. и где он прожил до 1939 г. В жизни Бунина аналогичную роль (возможно, даже чуть большую, сыграл французский приальпийский городок Грасс³ и те три виллы, которые он вместе с Верой Николаевной здесь снимал. Южный город, который станет местом его преимущественного пребывания почти в течение 20 лет, магнитом, к которому Бунин постоянно тянулся, восхищаясь им и в то же время хуля, и который означил важный период в его жизни и творчестве, собственно, и увенчавшийся Нобелевской премией.

Как и вживанию Рахманинова в Сенар, вживанию в Грасс у Бунина предшествовали поиски. Отплыв 20 января 1920 г. из Одессы в

³ Во времена Бунина (да, собственно, это справедливо и по сей день) Грасс был небольшим городком, весьма живописно расположенным в 40 километрах от Ниццы на южном склоне горы Рокавинь, откуда открывается вид на Средиземное море и на горную грядку Эстерель. История этого города, уходящая в глубь Средневековья, была тесно связана с историей Прованса. Важной культурной референцией Грасса стало присутствие в нем художника Жан-Оноре Фрагонара (1732–1806), когда-то прогуливавшегося по кривым улочкам города.

Константинополь, в марте того же года Бунины оказываются во Франции, где поначалу поселяются в Париже. Но вскоре Бунин пытается, «как и в дореволюционное время», организовать следующий распорядок: «летом на юге Франции, зимой поездки в Париж и другие города» [Двинятина, Морозов, Шинкова, 2019, с. 354]. И начинает подыскивать себе летнее пристанище в Приморских Альпах, которыми будет подписан целый ряд его рассказов 1920-х гг. Летом 1922 г. он вместе с В. А. Злобиным ездит по югу Франции в поисках жилья на лето, которое планирует провести с Мережковскими [Устами Буниных, 1981, т. 2, с. 72]. По словам В. Н. Буниной (Муромцевой), объехали они тогда пол-Франции и Бунину понравился один из замков на окраине города Амбуаз в Шато Нуаре – старинное имение, некогда монастырь, недалеко от дома Леонардо да Винчи. Здесь Бунины прожили с 7 июня по 6 ноября 1922 г. Но уже весной 1923 г. Буниным удается снять их первую виллу в Грассе. Возможно, одним из главных факторов, повлиявших на выбор Грасса, была не только красота его местоположения, впрочем, имеющая свои «за» и «против» (не так легкий спуск, и особенно подъем по крутому холму, и можно только представить, как непросты были, особенно для Веры Николаевны Буниной, почти ежедневные походы на рынок и в съестные лавки). Важным фактором была, конечно же, относительная дешевизна Грасса, расположенного не на побережье и пользовавшегося репутацией города демократического (еще в 1932 г. в одном из писем В. Н. Бунина напишет мужу, что Париж, дескать, «не Грасс», имея в виду несопоставимость в них расходов [Бунин, 2019, с. 607]). Впрочем, сомнения время от времени Буниных все же одолевали: «Что такое Грасс и сколь он не годится вам на лето: жарко, скучно, – пустыня! – жить дорого, до моря далеко, русских, кроме нас, ни души, да и мы – будем ли мы этим летом в Грассе?» [Муравьева-Логонова, 1973, с. 307].

Что касается Рахманинова, то он в эмиграции между гастролями, выступлениями и частыми перемещениями между европейскими странами и Америкой не переставал искать «уголок», где бы он мог сочинять музыку, оставаться наедине с семьей, принимать друзей, как это бывало у него в Ивановке. Таким «уголками» становятся поначалу снимаемые им дачи. Приехав в Данию, где жила семья ехавшего с ними музыканта Н. Г. Струве (ему Рахманинов посвятит симфоническую поэму «Остров мертвых»), он снимает нижний этаж дачи в окрестностях Копенгагена, где, по словам своей сестры, Наталья Александровна Сатина-Рахманинова старалась «насколько возможно внести уют в эту новую, незнакомую им обстановку» [Сатина, 1988, с. 49]. Летом Рахманиновы поселяются вместе со Струве в местеч-

ке под Копенгагеном под именем Шарлоттенлунд (где располагалась летняя резиденция королевской семьи), наняв там дачу. Весной 1921 г., уже оказавшись в Америке, Рахманинов покупает себе пятиэтажный особняк на Манхэттене на берегу Гудзона (Риверсайд Драйв, 33), куда переезжает осенью с семьей. Дом этот станет местом встречи русских артистов и художников. Здесь бывал Ф. Шаляпин, артисты Художественного театра, приезжавшие на свои знаменитые гастроли в Нью-Йорк (К. С. Станиславский, В. В. Лужский и др.); художники, устроившие выставку русских картин в Нью-Йорке (К. А. Сомов, С. А. Виноградов) и многие другие. Лето 1921 и 1923 г. Рахманинов проводит с семьей на даче Локуст Пойнт, Нью-Джерси, на берегу Атлантического океана в пятидесяти милях от Нью-Йорка. По соседству с ними находится русский пансион, где также проживали русские. С. А. Сатина описывает этот период как своего рода русско-американский вариант усадебной жизни: поездки на автомобиле, словно в продолжение автомобильных ралли, когда-то устраивавшихся композитором вокруг Ивановки, катание на моторной лодке, морское купание в заливе и в открытом океане [Там же, с. 67–68].

Начиная с 1924 г. Рахманиновы ежегодно проводят лето в Европе, возвращаясь осенью в Нью-Йорк. Летом 1924 г. их местом отдыха становится дача в окрестностях Дрездена (Германия) на Эмзер Аллее. Лето 1925 г. они проводят на даче в Корбевиле (Франция), где, в частности, К. А. Сомовым был написан известный портрет Рахманинова. Лето 1926 и 1927 гг. – вновь под Дрезденом на даче вблизи от известного немецкого курорта Вайсер Хирш (Белый Олень), а самый конец лета 1926 г. – в Каннах [Там же, с. 72]. Летом 1929 г. они возвращаются во Францию, сняв дачу в имении Клерфонтен, в тридцати пяти милях от Парижа, около летней резиденции французских президентов – Рамбуйе, которая была когда-то местом знаменитого салона госпожи де Рамбуйе. Именно сюда и приглашал Рахманинов погостить Бунина во время их встрече в 1930 г. в Грассе. Дачу эту они будут снимать в течение трех лет, до 1931 г., и из всех до тех пор снимаемых дач это был дом, который более всего напоминал Рахманинову Ивановку.

А при этом идея иметь собственное жилье (причем в Европе – не в Америке) все более казалась Рахманинову насущной. Одно время он думал о Германии, но жена, не любившая немцев, умоляла его не покупать ничего в Германии. Семья склоняла его остановиться на Франции [Там же, с. 80]. Дело, как это часто бывает, решил случай. В конце двадцатых годов двое знакомых Рахманинова начинают работать над его биографией. Один из них был англичанин, Р. Холт, другой, Оскар

фон Риземан (Bernhard Oskar von Riesenmann, 1880–1934), русский немец, дирижер, композитор и музыковед, учившийся когда-то в Московском университете и бывший музыкальным редактором издававшейся в Москве немецкой газеты. Холт биографии так и не написал. Риземан же, ознакомившись с материалами, которые по его просьбе ему прислала С. А. Сатина, попросил у Рахманинова разрешения приехать летом 1930 г. в Клерфонтен⁴. Покидая Францию, он уговорил Рахманиновых навестить его в Швейцарии, где в то время проживал. Так в августе 1930 г. Рахманинов вновь оказывается в местах, где почти 30 лет назад он проводил медовый месяц. Из переписки Рахманинова того времени очевидно, что именно Риземан в конечном итоге уговорил его здесь обосноваться, разъезжал с ним по окрестностям, осматривал предлагаемые участки. Наконец был найден участок недалеко от Люцерна в местечке под названием Гертенштейн, на скалистом берегу Фирвальдштетского озера. Выставленная на продажу вилла «Каролина» Рахманинову понравилась, и уже 7 сентября 1930 г. он ее купил у госпожи Шмидт за 205.000 швейцарских франков (см.: [Рахманинова, 1988, с. 321]).

По имеющимся воспоминаниям, покупка эта не встретила сочувствия в семье, которой казалось, что слишком оторванными они будут от друзей, остававшихся во Франции. К тому же Наталия Александровна (жена), выросшая в степной полосе России, тяготилась мыслью о том, что ей придется жить в горах. А купленный участок был большой скалой, величиной около двух с половиной гектаров. Рахманинов понимал, что ему придется вложить много средств, чтобы привести его в порядок [Сатина, 1988, с. 80] и воскресить дух родной Ивановки. Для этого следовало снести трехэтажный старый дом, принадлежавший предыдущим хозяевам, и взорвать часть скалы над озером.

Как когда-то в Ивановке, в 1932 г. он сам взял в свои руки управление помещьем. Разрабатывал дизайн, соединяющий элементы классического ландшафта и баухауса вместе с садовыми архитекторами, Бернхардом Мурбазом и Фриомом Дове. Имение Рахманиновых назвали Сенар, сложив его из своих имен (Сергей и Наталия) и прибавив начальную букву фамилии Рахманинов. Прецедент подобного ономастического жеста у композитора уже был: частное издательство,

⁴ Биография Рахманинова, написанная О. фон Риземаном, была напечатана в Лондоне в 1934 г. под названием «Rachmaninoff's Recollections». На русском языке см.: [Сергей Рахманинов, 2018]. О негодовании, которое вызвала у композитора первая версия этой книги, равно как и ее название, см. подробнее: [Bertensson, Leyda. Satina, 2001, с. 299–300].

им организованное вместе с дочерьми Ириной и Татьяной с целью оказания помощи русским писателям в эмиграции, носило имя «Таир» (аббревиатура имен дочерей: Татьяна и Ирина)⁵.

Налаживание жизни в Сенаре потребовало около четырех лет, в течение которых Рахманиновым порой овладевало и отчаяние [Bertensson, Leyda, Satina, 2001, с. 288]. И все же по окончании подготовительной работы он действительно впервые со времени отъезда из России почувствовал, что у него есть дом и что он может, как и мечтал, осесть на месте. Примечательно своеобразное упрямство Рахманинова, желавшего, чтобы его Сенар, вопреки окружающей его холмистой местности, выглядел как степь («пустыня»), каковой и была Ивановка. Именно так он описывает новое имение в письме к Э. К. Метнеру (старшему брату композитора Н. К. Метнера), отправленном 19 августа 1931 г. из Гертенштейна, с виллы Сенар:

Дорогой Эмилий Карлович!

Был бы очень рад, если бы приехали к нам в пятницу к четырем часам пить шоколад¹. К сожалению, ничего другого моя жена приготовить не может. Если этот день Вам подходит, подтвердите открыткой.

Предполагаю, что Вы приедете из Люцерна пароходом. От пристани минут пять ходьбы. Надо спрашивать дорогу к *Töchter Pensionat*, против которого находится наша villa «Senar».

Как Вы увидите среди роскошной зелени пустыню — смело входите! Это и есть наше местожительство [Рахманинов, 1978–1980, т. 2, с. 312].

УСАДЕБНОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО И ПРИМЕТЫ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

В Грассе Бунины последовательно снимали три виллы. Первой из них, где они проживали с весны 1923 г., была вилла Мон-Флери (нынешнее название *La Rivolte*). Здесь Бунины прожили три года, по прошествии которых вилла оказалась сдана другим. «Ян в тихом отчаянии», – записывает Вера Николаевна в дневник в апреле 1925 г. [Устами Буниных, 1981, т. 2, с. 137]. Так они попадают на следующую виллу – Бельведер (*Chemin du Vieux Logis, 18*), где проживут с мая 1925 по сентябрь 1936 г. и с мая по октябрь 1939 г. В. Н. Бунина позже объясняла брату Д. Н. Муромцеву: «...вилла нужна так же, как было нужно Глотова или Капри для Яна. Ведь <...> работать он может только в уединении, <...> чтобы было спокойно и весело. Почти все созданное им за эти годы создалось здесь» [Бабореко, 2004, с. 261]. Именно здесь

⁵ В этом издательстве были, в частности, опубликованы книги А. М. Ремизова и И. С. Шмелева и сочинения русских композиторов, которые в силу тех или иных причин в России не печатались.

Бунин написал знаменитый цикл «Темные аллеи», «Митину любовь», «Солнечный удар», роман «Жизнь Арсеньева», эссе «Освобождение Толстого», здесь он узнал о своем награждении Нобелевской премией. Вилла Бельведер оставалась в распоряжении Буниных до 26 сентября 1939 г. Но когда они уже окончательно вынуждены были ее покинуть, им вновь неожиданно «повезло» – на бульваре Жоржа Клемансо (*boulevard Georges Clemenceau, 35*, ранее назывался *Route Napoléon, Наполеоновская дорога*) в это время сдавалась вилла Жанетт: «Вчера сняли виллу Jeanette <...> дешево, за 12.000 в год, она стоит дороже. Вилла чудесная, “с сюрпризами”, но стоит высоко, с кульками подниматься трудно», – пишет В. Н. Бунина 18 сентября 1939 г. [Устами Буниных, 1981, т. 3, с. 34]. От англиканского пастора (А. В. Бахрах называл его филологом-богословом [Бахрах, 2005, с. 73]), до того проживавшего на этой «английской вилле», оставались еще «стоящие внизу шеренгами какие-то богословские трактаты» [Там же, с. 33]. Пребывание на вилле Жанетт пришлось на военные годы: Бунин вынужден прятаться от бомб в саду, в облюбованной им будке, прилепившейся к скале, которую считал «верным от бомб убежищем» [Там же, с. 161]. Затем будет еще «Русский дом» в Жуан-ле-Пен на Лазурном берегу близ Антибов [Двинятина, Морозов, Шинков, 2019, с. 373], где Бунин мечтает о Париже так же, как в Париже он некогда мечтал о Ницце. Но в целом можно сказать, что квазиусадебная жизнь на французском юге после войны для Бунина закончилась, как закончилась она и для Рахманинова 23 августа 1939 г., когда, за день до объявления мобилизации, он вместе с семьей выехал из Парижа, сев на пароход «Аквитания», направлявшийся в Америку.

Те более чем 20 лет, что Бунины прожили в Грассе, сменив три раза места обитания, были разными и по материальным условиям, и по климату, царившему в этих французских усадьбах. Но что поразительно: при неизменно стесненных условиях (кроме краткого периода после получения Нобелевской премии) Бунины жили в традициях русского барского гостеприимства, не только постоянно принимая гостей, но и предоставляя свой кров друзьям и тем, кого они почитали за таковых. Даже в тяжелое военное время, переселившись на менее удобно расположенную виллу Жанетт, Бунин боялся не удаленности от центра города, но одиночества на этих «высотах», и поэтому желал поскорее заселить свое «гнездо» «“живыми” людьми» [Муравьева-Логинова, 1973, с. 309].

Среди тех, кто подолгу жил на снимаемых Буниными виллах, были поэтесса Г. Н. Кузнецова (с мая 1927 г. до апреля 1942 г.) и ее подруга певица Марга (Маргарита) Степун (с 1939 г.), сестра фило-

софа Ф. А. Степуна. При всей драматичности пребывания Кузнецовой и Степун у Буниных отъезд своих «домочадиц» в Канны в 1942 г. Бунин все же счел изменой («И все-таки она меня бросила, бесчеловечно бросила» [Одоевцева, 1989, с. 258]). В ноябре 1929 г. с кульком антоновских яблок⁶ на вилле Бельведер появился Л. Ф. Зуров, которому впоследствии будет суждено стать наследником архива И. А. Бунина. Подолгу оставался на вилле Бельведер и Н. Я. Рошин, некогда боевой офицер в Добровольческой армии А. И. Деникина, после ее окончательного разгрома покинувший с остатками добровольцев Россию. Обосновавшись в Париже, по рекомендации Бунина он начал работать постоянным литературным сотрудником парижской эмигрантской газеты «Возрождение» и стал в Грассе «своим». В письмах и воспоминаниях обитателей Бельведера Рошин упоминается под разными «домашними» прозвищами; его именовали то «Никой», то «Пэкой», то «Капитаном» (намек на его военное звание в деникинской армии)⁷. Это о нем делает запись Г. Кузнецова в своем дневнике: «Накануне отъезда он читал нам статью “Вилла Бельведер”, которую собирается послать в рижскую газету “Сегодня”. Описал в ней весь наш дом и всех в нем живущих, “расхвалил”, как выражается В. Н., Ивана Алексеевича» [Кузнецова, 2009, с. 9]⁸. А. В. Бахрах, в ту пору молодой и энергичный журналист, проживет с Буниными с 22 сентября 1940 г. по 23 октября 1944 г., частично выполняя функции секретаря писателя и помощника по дому его жены [Бахрах, 2005, с. 143].

В марте 1941 г. Бунин записывает в дневник: «Сейчас десять минут двенадцатого. Г. и М. и Бахрах только что проснулись. И так почти каждый день. Замечательные мои нахлебники. Бесплатно содержат троих, четвертый, Зуров, платит в день 10 фр<анков>» [Устами Буниных, 1981, т. 3, с. 87]. Год спустя оценка гостей уже не столь радостна: «Живем мы коммунальной. Шесть человек. И ни у кого гроша нет за душой – деньги Нобелевской премии давно уже прожиты. Один вот приехал к нам погостить денька на два <...>. Было это три года тому назад. С тех пор вот так и живет, гостит (речь идет о Бахрахе. – Е. Д.). Да и уходить ему, по правде говоря, некуда – еврей. Не могу же я его выставить» [Бахрах, 2005, с. 5]. Примечательно здесь неизменное желание писателя, даже в самые тяжелые и голодные годы, видеть в своем

⁶ Об этом чисто литературном жесте см.: [Бахрах, 2005, с. 37].

⁷ О Рошине на вилле Бельведер см. подробнее: [Шинкова].

⁸ Речь идет о статье Н. Рошина «Литературный уголок. Вилла Бельведер» (опубл.: Сегодня. 1929. 1 января. № 1. С. 4).

доме «гостей» – своего рода странников, всегда живших даже в бедных дворянских усадьбах (такой была и усадьба его родителей). Обычай этот описан Буниным и в романе «Жизнь Арсеньева», и в ряде рассказов-новелл, в частности, сочиненной уже в Париже новелле «Баллада», посвященной странницам, «шатавшимся» по российским усадьбам (см. подробнее: [Там же, с. 126]).

В «статусе» не домочадцев, но друзей бывали в Грассе Ходасевич, Мережковские, к которым Бунины в свою очередь ездили в гости начиная с 1921 г.⁹

Помимо Мережковских, Бунины ездили в гости повидаться, например, с Зайцевыми в Пюжет, имение В. Б. Эльяшевича [Двинятина, Морозов, Шинков, 2019, с. 355], навещали М. Алданова в Жюан Ле Пен [Кузнецова, 2009, с. 183]. Еще одно имение, которое Бунин посещал – это Тенар, вилла великого князя Николая Николаевича, посещение, которое не просто отразится, но составит целый эпизод в романе «Жизнь Арсеньева» [Там же, с. 139].

По воспоминаниям очевидцев и несмотря на сложные обстоятельства, Бунины (в особенности Вера Николаевна) всячески стремились сохранять обычаи старины и очень внимательно относились к празднованиям дней рождения (так, например, на один из дней рождения Бахраха был приглашен и именитый гость Андре Жид [Бахрах, 2005, с. 49]. О завтраках обычно «торжественно возвещал гонг, что так не вызало со скудостью трапезы» [Там же, с. 69] (современные исследователи рассматривают ныне этот жест как акт психологической компенсации, сопоставимой с тем местом, которое занимает перечисление изысканных парижских блюд в парижской папке неопубликованных текстов и набросков Бунина 1940 г., вступая в трагическое противоречие с полуголодным существованием Буниных на вилле Жаннетт)¹⁰. На протяжении всего пребывания в Грассе были и «обязательные» для усадебной жизни прогулки [Дмитриева, 2009, с. 195–203] – только пространством их выступал уже не столько сад (или парк), сколько сам походивший на сад Грасс. Немало описаний этих

⁹ О том, как Бунин принимал гостей и как сам ездил в гости, есть немало записей в «Грасском дневнике». Вилла, на которой обитали Мережковские, производила впечатление своим контрастом по сравнению с не столь обихожённым бытом Буниных: «Были и слушали, – записывает Кузнецова 10 ноября 1927 г. – Посещение знаменательное и даже довольно волнующее. Множество новых впечатлений и от виллы, очень чистой, нарядной, даже с некоторой кокетливостью убранной (ковры, кретоновые абажуры в розах, мягкая мебель и хризантемы в вазе на камине), от хозяев в домашнем быту... [Кузнецова, 2009, с. 57].

¹⁰ Речь идет о наброске «Из ресторанов лухе советую...» (см. [Бунин, 2019, кн. 1, с. 29]).

прогулок оставила Г. Кузнецова, вообще имевшая тенденцию рисовать грасскую довоенную жизнь как «некую идиллию» [Кузнецова, 2009, с. 28–29], вполне вписывавшуюся в представление об идиллии усадебной.

Характерно, что и Рахманинов, описывая в 1934 г. (11 апреля), когда строительство дома уже было завершено, в письме к Е. И. и Е. К. Сомовым свой приезд в Сенар, практически превращает свое письмо в род литературной прогулки, где сам выступает в качестве фланера, осваивающего собственный сад:

Дорогие Сомовы,

Третьего дня, без четверти семь утра, мы выехали с Наташей из Парижа. Было пасмурно и погода не предвещала ничего хорошего. <...> Из-за скользкой дороги во Франции, проба «Линочки» не могла состояться. В Швейцарии же скорый ход немислим из-за многих поворотов. Въехали мы в ворота «Senar'a» в восьмом часу вечера. Было уже темно. Но все же я один пошел посмотреть все места кругом большого дома, в самый дом не заходя. Несмотря даже на темноту, впечатление импозантное. После этого осмотра отправился по всему саду посмотреть на все деревья. Все еще здесь голое. На деревьях маленькие почки. Приехали, значит, как раз в самое мной так любимое время. Каждый день буду наблюдать за деревьями и цветами, как они распускаются. Легли рано спать. Наташа меня умоляла ее не будить до половины девятого. Я обещал! Но про себя решил, что в восемь часов у меня начнутся приступы кашля. Проснулся в половине седьмого и терпеливо ждал. Без десяти минут восемь раздался, радостный для меня, сонный голос Наташи: «можешь вставать». Я не заставил себя просить и сразу поднялся. Приподнял наши тяжелые жалюзи и увидел безоблачное голубое небо и сверкающее солнце. Тут я и Наташу поднял. Пока одевался, глядел из всех окон по всем направлениям на сад, на дом. Выпили кофею и отправились с Наташей и пришедшим Rossi вниз на набережную, чтобы посмотреть произведенные Rossi работы: новые каменные стены около воды и каменные работы на скале, на которой стоит большой дом. Эта последняя напоминает теперь в микроскопическом виде Гибралтар. Очень красиво! Оглядел все деревья внизу, около скалы. Ничего не попорчено! И только после этого пошли с Наташей в большой дом.

Ну, Sir! Умопомрачительно! Верно наш шофер сказал, которого Наташа сегодня водила по дому, что «можно брать деньги за осмотр!».

Хожу я по дому и чувствую себя миллионером. Да и не у всех миллионеров такой дом найдется. Гордится этим домом и архитектор, который мне сегодня сказал, что «неправда ли дом великолепен?!». <...> Завтра привезут мне мой концертный рояль [Рахманинов, 1978–1980, т. 3, с. 15–16].

Собственно, именно с этого времени (с 1934 г.) начинаются славные дни виллы Сенар, о радостной – вопреки всему – ауре которой по сей день свидетельствуют бутылки из-под шампанского, хранящиеся на вилле. Дом наполняется гостями [Вачнадзе, 1979, с. 107–108], среди которых, помимо членов семьи (дочерей и уже появившихся у Рахманиновых внуков) – музыканты и музыкальные критики: В. Менгельберг, А. Тосканини, В. Горовиц, В. А. Маклаков, Эмилий Метнер, Артур Херст, беседа с которыми ведется подчас «музыкально». Так, Херст вспоминал, как однажды в Сенаре, «для иллюстрации какого-то места в <...> разговоре, [он] сыграл несколько тактов бетховенской Bagatelle и был поражен, когда [Рахманинов] строго <...> заметил: “А вы ведь не упражнялись!..”». Из Сенара Рахманиновы часто ездят в Париж, в Дрезден, в Байрейт на музыкальные концерты, в Италию, которые, как выясняется, находятся вовсе не на таком уж большом удалении от Гертенштейна [Сатина, 1988, с. 84].

Разумеется, возможностей принимать гостей и путешествовать у Рахманинова было больше, чем у Бунина. Тем более поразительно, насколько формат русского усадебного гостеприимства сохранялся ими, будучи воспроизведенным в освоенном обоими «чужом», но ставшим своим пространстве.

СУБЛИМАЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ

Рахманинов любит цитировать слова Генриха Гейне: «Что у нас отбирает жизнь, то возвращает музыка» [Bertensson, Leyda, Satina, 2001, с. 298]. Возможно, что все же главное в том «дворянском гнезде», которое Рахманинов обрел для себя в Сенаре, была именно возможность возвращения к музыке. «Давно он не чувствовал такого морального покоя и удовлетворения, – писала С. А. Сатина. – Устроив все согласно своему желанию, почувствовав, что у него есть настоящее пристанище, он немедленно начал сочинять. Приступив к работе 3 июля, он уже 18 августа оканчивает одно из лучших своих творений – Рапсодию на тему Паганини для фортепиано и оркестра op. 43. Быстрота и легкость, с которой Сергей Васильевич сочинил и инструментовал эту вещь (шесть недель), ее свежесть и вдохновенность показывают, как крепок и здоров был творческий дух в композиторе, достигшем шестидесяти одного года. <...> Многим казалось, что в Сергее Васильевиче угас его талант композитора. В действительности это было не так; ему мешала больше всего его концертная деятельность, отсутствие времени, скитальческая жизнь, но желание писать никогда не угасало. В нем происходила борьба между желанием продолжать деятельность пианиста, в которой он достиг совер-

шенства, и стремлением к творческой деятельности. Летом 1934 года в Сенаре победило, по-видимому, последнее» [Сатина, 1988, с. 87].

Сам Рахманинов, радуясь завершению рапсодии на тему Паганини, предельно для него автобиографичной и решающей музыкальным языком крайне болезненную для него тему изгнанничества и приобретенного у адских сил мастерства (тема самого Паганини), при этом полушутя-полусерьезно истолковывает в письме к С. А. Сатиной этот свой первый опус, который он сочинил именно в Сенаре, как компенсацию за все те «глупости», которые он позволил себе, задумав строительство виллы (см. подробнее: [Bertensson, Leyda, Satina, 2001, с. 304]. Первое исполнение рапсодии самим Рахманиновым состоялось 7 ноября 1934 г. в Балтиморе с Филадельфийским оркестром под управлением Леопольда Стоковского.

В апреле 1935 г. Рахманинов вновь возвращается после многочисленных гастролей в Сенар – единственное место, где, как он сообщает о том Дагмару Райбнеру (Rybner), ему хочется жить (письмо от 4 мая 1935 г.), намекая туманно на нечто им здесь задуманное [Martyn, 1990, p. 333]. Задуманной окажется Третья симфония aMoll op. 44, которую он также закончит в Сенаре 30 июня 1936 г., приписав на партитуре: «Beendet. Ich danke Gott. Senar»¹¹.

Это была симфония, в адажио которой давала себя знать ностальгия по России, но вместе с ней и ощущение вновь обретенного счастья и дома¹². Дополнительным к ней вербальным комментарием служит также проникнутое глубинной ностальгией стихотворение В. В. Набокова 1926 г. «Тихий шум», написанное им для сборника «Возвращение Чорба» (на английский язык переведено как «Soft Sound»), на котором ныне в Сенаре лежит открытой книга его стихов и новелл, затерявшаяся среди нотных манускриптов Рахманинова [Niels, 2016, S. 26–27]:

Когда в приморском городке,
среди ночи пасмурной, со скуки
окно откроешь, вдалеке
прольются шепчущие звуки.

Прислушайся и различи
шум моря, дышащий на сушу,
оберегающий в ночи
ему внимающую душу.

¹¹ Закончено. Благодарю Бога. Сенар. (нем.) См.: Turicum. 1994. № 25. S. 13. URL: https://books.google.ru/books/about/Turicum.html?id=bYtrAAAAIAAJ&redir_esc=y (дата обращения 07.09.2023).

¹² О жизни на вилле см. также: [Cunningham, 2001, p. 142–143].

Весь день невнятен шум морской,
но вот проходит день незванный,
позванивая, как пустой
стакан на полочке стеклянной.

И вновь в бессонной тишине
открой окно свое пошире,
и с морем ты наедине
в огромном и спокойном мире.

Не моря шум — в тиши ночной
иное слышно мне гуденье:
шум тихий родины моей,
ее дыханье и биенье.

В нем все оттенки голосов
мне милых, прерванных так скоро,
и пенье пушкинских стихов,
и ропот памятного бора.

Отдохновенье, счастье в нем,
благословенье над изгнанием.
Но тихий шум не слышен нам
за суетой и дребезжаньем.

Зато в полночной тишине
внимает долго слух неспящий
стране родной, ее шумящей,
ее бессмертной глубине¹³.

Среди книг и партитур, хранившихся в библиотеке Рахманинова в Сенаре [Norris, 2016, S. 30–31], особый интерес представляет экземпляр посвященного Рахманинову романа Марка Алданова «Десятая симфония» (1931), на форзаце которого имеется надпись: «Посвящено фортепианному Пушкину Серг. Вас. Рахманинову [Ibid, S. 27].

Вспомним: в центр своего повествования Алданов помещает (наряду с французским живописцем Жан Батистом Изабе и графом Андреем Кирилловичем Разумовским) Бетховена, чья не написанная «Симфония № 10» фигурирует в качестве заглавного образа-символа. И сам Бетховен предстает в романе как композитор, совмещающий в себе черты гениальности и «сатанинства», что явно соотносится с тематикой рахманиновской рапсодии на тему Паганини. И тогда воз-

¹³ Об обстоятельствах написания Набоковым этого стихотворения, которое в июне 1926 г. он читал на праздновании Дня русской культуры в Берлине, см. комментарий М. Э. Маликовой: [Набоков, 2002, с. 558–559].

никает вопрос: каков был тот *message*, который Алданов оставил Рахманинову? Была ли то мысль о роковой недостижимости творческого совершенства, которая и составляет содержание романа? [Богданова, 2016, с. 97–99]. Или же мысль о том совершенстве, которое, в отличие от немецкого композитора, дано было явить русскому композитору. Но только какой ценой?

О цене обретенной возможности творчества мучительно размышляет в Грассе и Бунин. 28 июля 1940 г. он заносит в свой дневник: «Сидел на плетеном разрушающемся кресле, смотрел на легкие и смутные как дым горы за Ниццей... Райский край! И уже сколько лет я его вижу, чувствую! Зацвели лилии, лючиоли летают уже давно – с самых первых дней июня. Страшно подумать – 17 лет прошло с тех пор, как мы поселились в Грассе, в этом удивительном поместье Villa Montfleuri, где тогда как раз вскоре расцвели лилии! Думал ли я, что в каком-то Грассе протечет чуть не четверть всей моей жизни! Да, живу в раю. До сих пор не могу привыкнуть к таким дням, к такому виду» [Устами Буниных, 1981, т. 2, с. 345].

И все же это райское место ощущается Буниным, как можно судить и по его собственным признаниям, и по воспоминаниям людей, в ту пору его окружавших, прежде всего *ландшафтом воспоминаний*, во всем том широком смысле, какой вложила в это словосочетание русская литература. И связано это было с особенностью его памяти, о которой также свидетельствовали современники, – жизнью простым и ревнивым и ревностным в него всматриванием.

«Были в усадьбе Фрагонара, где устроен теперь музей, – записала Кузнецова 5 января 1928 г. – Смотрели прекрасный старинный провансальский дом, утварь, мебель из золотистого полированного дерева. И. А. все повторял: “И все это исчезло из жизни, все провалилось куда-то! Вот жили люди! Как мы теперь живем!”» [Кузнецова, 2009, с. 67]. Ср. ее запись от 24 декабря 1928 г.: «На подъеме к нашей даче вдруг дружный и нестройно-веселый перезвон, очень похожий на пасхальный. <...> И. А. сказал с волнением: “И вот так странно думать, что пятьсот лет назад звонили точно так же... И какой благостной защитой над всем, даже над смертью был этот перезвон. И как это есть люди, которые не понимают этого!”» [Там же, с. 112]. По словам О. Н. Михайлова, «болезненно восприимчивый к текучести времени, его загадочной необратимости, Бунин стремится найти в нем “окно”, возможность прорыва в причинно-следственной цепи событий» [Михайлов, 1973, с. 307]. Именно так делает и героиня его «Холодной осени» (1944), для которой безостановочный «бег» лишь дурной сон: от него просыпаясь к «настоящему», к встрече с погибшим женихом.

Рассказами-снами, рассказами-видениями, разрушающими структуру времени, выглядят иные бунинские произведения периода эмиграции. Именно из далекого Грасса, отправляется «он» в свое странное путешествие – в молодость, ушедшую любовь, в тот рай, который он некогда пережил, потерял и который заново обретает. И удивительно ли, что райский край (в его ощущениях не всегда райский) французской Ривьеры на протяжении всех лет эмиграции Бунин проецирует (точнее, опрокидывает) на Россию, а более конкретно – на усадебную Россию.

О том, что, живя во Франции, Бунин ментально пребывал в России, свидетельствует запись из дневника Кузнецовой от 17 декабря 1929 г.: «Перед обедом сидели с Зуровым у него в комнате, и он читал вслух “Суходол”. В середине вдруг оба остановились и стали смеяться, и он сказал: “Конечно, тот же Суходол! И нечего говорить о Европе! Здесь тот же самый, чистейший Суходол, и все мы оттуда!”» [Кузнецова, 2009, с. 146].

И все-таки было нечто, что не только позволяло, но и заставляло Бунина в эмиграции (как, собственно, это было и с Рахманиновым) не просто проецировать свою новую жизнь на ту, что он прожил в России, но еще и внутренне их соединять. То был, как представляется, «зов предков», он же – зов культуры, ощущение своей нерасторжимой связи с ней. Художница Т. Д. Муравьева-Логинова вспоминала, как однажды Бунин ей сказал: «Мне кажется, что я живу действительно тысячу лет <...>, и не одну тысячу <...>. Чувствую в себе всех своих предков. Бурлят, шумят они во мне – и дальше чувствую далекую глубь веков. Все корни мои, ушедшие в русскую почву, до малейшего корешка чувствую [Муравьева-Логинова, 1973, с. 301].

Это и было то особое бунинское чувство времени, заставившее его не единожды намекнуть на свою, казалось бы, неявную связь с М. Прустом: как-то он «ошаршил» Бахраха «словами о том, что в некоторых главах “Жизни Арсеньева” есть, мол, немало мест совсем прустовских, хотя это влияние на него Пруста неискушенному читателю мало заметно» [Бахрах, 2005, с. 113].

Главные книги, написанные Буниным в эмиграции – цикл «Темные аллеи» и «Жизнь Арсеньева» – по большей части об усадьбе и о России. Были ли они логическим итогом его дореволюционного «усадебного текста» или что-то в его видении с 1917 г. изменилось? А ведь если сравнить те «усадебные» тексты, что были им написаны до 1917 г. с написанными после, то невозможно не заметить некоей тенденции, вновь возвращающей к тому, что мы ранее обозначили, как

«зов предков»: ощущению (да простится здесь тройная тавтология) обретенной обратимости необратимого времени.

В эмиграции («Несрочная весна», «Именины», «Митина любовь» и незаконченное – «Иволга») Бунин отчасти проигрывает те же темы, что и в рассказах, написанных в России (оскудение рода, оскудение дворянской жизни, усадебной любви, смерть последнего владельца усадьбы)¹⁴. Но появляется в них и нечто новое (а точнее, возвращение к забытому старому): усадебная любовь, вытесненная им ранее на периферию, посрамленная (как в «Последнем свидании»), нелепо сумасшедшая (в «Грамматике любви»), *врывается* в тексты Бунина как та, все на своем пути сметающая сила, которая лишь на первый взгляд парадоксально, а в сущности вполне логично сопрягается со смертью. В этом смысле особое место занимает «Митина любовь» – рассказ, написанный, что для нас немаловажно, на грасской вилле Бельведер – но с воспоминанием о жизни в России, в имении Колонтаевка, куда ездили и сам Бунин, и его сестра Машенька, и где «была сосновая аллея, как-то особенно пахло жасмином» [Кузнецова, 2009, с. 264].

Не уставая любоваться в Грассе Средиземным морем и отрогами горной гряды Эстерель, которые так идилично изобразил в свое время на полотне Клод Моне, Бунин делает запись в дневнике: «Лежал, читал, потом посмотрел на Эстерель, на его хребты в солнечной дымке... Боже мой, ведь буквально, буквально было все это и при римлянах!» [Устами Буниных, 1981, т. 2, с. 125].

Так что же получается? Работая над «Темными аллеями» и «Жизнью Арсеньева», Бунин, оказывается, думает не только о России, но и о давно прошедших веках. А зеркалом, в котором каждый раз по-новому отражается бывшее и небывшее¹⁵, выступают теперь сады Грасса и горный массив Эстерель. И мы вправе задаться вопросом, который, возможно, релевантно было бы поставить и в отношении Рахманинова, создающего в Сенаре, этой швейцарской Ивановке, *Равнодию на тему Паганини* и *Третью симфонию aMoll op. 44*: не было ли все это не только порождением ностальгических воспоминаний о потерянной для обоих художников России, но и раздумьем о древнем и неумолимом хроносе, противостоять которому возможно лишь (да простится мне еще раз эта прустовская цитата) ценою непрекращающегося *поиска утраченного времени*.

¹⁴ См. подробнее: [Дмитриева, 2020, с. 166–168].

¹⁵ О зеркале, в котором герой «Жизни Арсеньева» каждый раз видел себя «по-новому отчужденным и отраженным», см.: [Пономарева, 2019, с. 83].

И поиск этот для обоих, и для Бунина, и для Рахманинова, собственно и стал возможным в двух «уголках» воссозданной ими в эмиграции России, в одном случае уголке французском, в другом – швейцарском. Там, где обоим и явилась возможность сублимации собственных утрат в творчестве как преодоления той экзистенциальной трагедии, которой Россия, в том числе и усадебная Россия, была лишь частным выражением.

Литература

- Бабореко А. К.** Бунин. Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 455 с.
- Бахрах А. В.** Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. М.: Вагриус, 2005. 592 с.
- Богданова О. В.** Тема творчества и «код гения» в повести М. А. Алданова «Десятая симфония» // Вестник славянских культур. 2016. Т. 41. № 3. С. 97–99.
- Бунин И. А.** Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Новые материалы и исследования: В 4 кн. / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2019.
- Бунин И. А.** Рахманинов // Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худ. лит., 1967. Т. 9. С. 377–378.
- Бунин И. А.** Собр. соч.: В 6 т. М.: Худ. лит., 1987–1988. Т. 5: Жизнь Арсеньева: Юность; Темные аллеи; Рассказыва, 1932–1952; Рассказы, не публиковавшиеся при жизни И. А. Бунина. 638 с.
- Вачнадзе М.** В Сенаре – у Рахманиновых // Советская музыка. 1979. № 2. С. 107–108.
- Двинягина Т. М., Морозов С. Н., Шинкова Е. М.** (подг. текста, предисловие). Переписка И. А. Бунина с В. Н. Муромцевой-Буниной. 1906–1947 // Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Новые материалы и исследования: В 4 кн. / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 351–1169.
- Дмитриева Е. Е.** Сады и парки как пространство инициации // Моцарт в движении времени. М.: Композитор, 2009. С. 195–203.
- Дмитриева Е. Е.** Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы). М.: ИМЛИ РАН, 2020. 768 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 5).
- Крутов В. В.** Николай Сергеевич Зверев: личность, судьба, эпоха: монография / отв. ред. И. Н. Вановская. Тамбов: Музей-усадьба С. В. Рахманинова «Ивановка», 2019. 344 с.
- Кузнецова Г. Н.** Грасский дневник / Сост., вступ. ст., коммент. О. Р. Демидовой. СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. 496 с.
- Михайлов О. Н.** Путь Бунина-художника // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 1. С. 7–56.
- Муравьева-Логина Т. Н.** Живое прошлое. Воспоминания о И. А. и В. Н. Буниных // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973.

- Набоков В. В.** Стихотворения / Подг. текста, вступ. статья и примеч. М. Э. Маликовой. СПб.: Академический проект, 2002 («Новая Библиотека поэта»). 382 с.
- Нинюв А. М.** Горький и Ив. Бунин. История отношений. Проблемы творчества. М.: Советский писатель, 1973. 559 с.
- Одоевцева И. В.** На берегах Сены. М.: Худож. лит., 1989. 332 с.
- Пономарева Е. Р.** Рассказы круга «Темных аллей» // Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Новые материалы и исследования: В 4 кн. / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 79–86.
- Рахманинов С. В.** Ивановка // Рахманинов С. В. Литературное наследие: В 3 т. / сост.-ред. З. А. Апетян. М.: Совет. композитор, 1978–1980. Т. 1: Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма. С. 51–52. 668 с.
- Рахманинов С. В.** Литературное наследие : В 3 т. / сост.-ред. З. А. Апетян. М.: Совет. композитор, 1978–1980. Т. 2: Письма. 583 с.; Т. 3: Письма. 573 с.
- Рахманинова Н. А. С. В. Рахманинов** // Воспоминания о Рахманинове: В 2 т. / Сост., ред., предисл., коммент. З. А. Апетян; 5-е изд., доп. М.: Музыка, 1988. Т. 2. 665 с.
- Сатина С. А.** Записка о С. В. Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове: В 2 т. / Сост., ред., предисл., коммент. З. А. Апетян; 5-е изд., доп. М.: Музыка, 1988. Т. 2. 665 с. URL: <https://senar.ru/memoirs/Satina/> (дата обращения 07.09.2023).
- Сергей Рахманинов: Воспоминания, записанные Оскаром фон Риземаном [перевод с английского, послесловие и комментарии Валентина Чемберджи]. М.: АСТ, 2018. 318 с.
- Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Подгот. текста и примеч. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. Т. 2.
- Харламова О.** История Музея-усадьбы С. В. Рахманинова «Ивановка». Ч. 1–2 // Уваровская жизнь. 2017. № 20, 22. URL: <https://uvarov0.livejournal.com/321241.html> (дата обращения 07.09.2023).
- Шинкова Е. М.** К истории формирования личного фонда И. А. Бунина в коллекции Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева (ОГЛИМТ). Адрес электронного доступа: <http://turgenevmus.ru/edinaya-fondovaya-kollektsiya/nashi-publikatsii-i-nahodki/> (дата обращения 07.09.2023).
- Bertensson S., Leyda Y. Satina S.** Sergei Rachmaninoff: A Lifetime in Music. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2001, 328 p.
- Cunningham R.** Sergei Rachmaninoff: A Bio-bibliography. Westport, Connecticut, London, 2001, 349 p.
- Martyn B.** Rachmaninoff: Composer, Pianist, Conductor. London, New York, Routledge Taylor and Francis 1990, 583 p.
- Niels E.** Villa Senar. Der Schlüssel zu Rachmananoff. In: *Villa Senar. Sergei Rachmaninoffs Traum von einem Haus*. Altenburg, Serge Rachmaninoff, 2016. S. 26–27.
- Norris G.** Von Bach bis Dostoyevsky. Die Senar-Bibliothek. In: *Villa Senar. Sergei Rachmaninoffs Traum von einem Haus*. Altenburg, Serge Rachmaninoff, 2016. S. 30–31.

Ekaterina E. Dmitrieva

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

**RACHMANINOV'S SENAR AND BUNIN'S GRASSE:
RUSSIAN ESTATE LIFE, CONTINUED IN EXILE**

Abstract: The idea that the Russian estate as a phenomenon lived a short life, which began in 1762 and abruptly ended in 1917 with the Russian Revolution and destruction of the institute of private landownership, dominated Russian historiography for quite a long period of time. However, in the last decades, this perspective changed significantly, and now researchers are more focused on studying what role estate life played in Russian culture after 1917. There were many forms of the existence of estate life: some estates transformed into museums of everyday life in the countryside or places where famous personalities lived and worked before their death, and so on. Others were restored or newly constructed in the Soviet times, especially during the wave of passeism, when writers reconsidered the estate world and the estate history as an essential component of cultural and historical memory, the “sanctuary of the soul.” Nevertheless, this myth-making also had a genuine basis – an attempt to reconstruct the estate history from abroad. The article, written in the genre of comparative case-study, is devoted to a comparative description of estate experiments, the actors of which were two famous Russian artists who found themselves in exile. The first case is the experience of I.A. Bunin, who settled in exile in the south of France and tried – under seemingly unfavorable conditions – to create some semblance of Russian estate life in a foreign land. The second case, a much more prosperous, at least in a material sense, is S.V. Rachmaninov's project of building an estate on the shores of Lake Firvaldstät (Lucerne) to comfort his wife, who yearned for their Tambov family estate enormously. The article's central question is what role such a resurrection of a piece of Russia abroad played in the exiled existence of Rachmaninov and Bunin, but also to what extent and how it was able to sublimate in their work.

Keywords: *I. A. Bunin, S. V. Rachmaninov, Grasse, Senar, emigration, estate life.*

Acknowledgements: The research was carried out in the Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>.